

Вертикали и горизонтали сельского Татарстана*

О.П. ФАДЕЕВА, кандидат социологических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск.
E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

В.И. НЕФЁДКИН, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск. E-mail: vladnn57@gmail.com

В статье представлены результаты первого этапа (июль 2017 г.) проекта по изучению русских и татарских сел в разных регионах Поволжья и Сибири, в котором принимают участие социологи, экономисты и историки из Новосибирска и Казани. В фокусе исследования находились особенности управления функционированием и развитием 10 сельских поселений Республики Татарстан с разным национальным составом. По мнению авторов, местная специфика в значительной степени определяется высокой интегрированностью сельского самоуправления в жестко субординированную республиканскую вертикаль власти. Наблюдаются и заметные различия между районами, обусловленные их ресурсным потенциалом, личными качествами и политическим капиталом глав районных и сельских администраций, возможностями их взаимодействия с республиканскими и местными элитами. Стремление к сохранению национальной идентичности, наиболее заметное в поселениях с преобладанием титульного этноса, оказывает существенное влияние на локальные хозяйственные и социально-культурные практики и, в конечном счете, на результаты деятельности органов сельского самоуправления.

Ключевые слова: Республика Татарстан, сельские сообщества, хозяйственные практики, местное самоуправление, самоорганизация, вертикаль власти, национальная идентичность

Татарстанское экономическое чудо: временные трудности?

Последовательная промышленная политика и разнообразные программы поддержки сельскохозяйственных производителей, иницилируемые и эффективно контролируемые республиканской «вертикалью» Татарстана, долгое время позволяли ему демонстрировать заметные на фоне соседних регионов РФ экономические результаты. Ставка на опережающее развитие инвестиционной и инновационной инфраструктуры в рамках всевозможных «особых зон» в сочетании с хорошо поставленным пиаром привели к тому, что республика приобрела устойчивый имидж

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00464).

передового и инновационного региона, а местный опыт стал объектом изучения на предмет практического тиражирования в других регионах. В научно-экспертном сообществе принято говорить о формировании в Республике Татарстан (РТ) «эффективной модели регионального развития» [1].

Вместе с тем форсмажорные события 2017 г. не внушают оптимизма в отношении ближайших перспектив экономики Татарстана. Беспрецедентные проблемы в банковском секторе республики нанесли чувствительный удар по малому и среднему бизнесу. Пострадали и крупные системообразующие предприятия. Еще один повод для беспокойства – явно не артикулируемый, но уже с трудом скрываемый аппетит крупных федеральных игроков к главному источнику доходов республиканского бюджета и местных элит – нефтяным и нефтеперерабатывающим активам, все еще остающимся под региональным контролем. К перечисленному можно добавить политические пертурбации последних месяцев: показательная история с несостоявшимся продлением договора о разграничении полномочий между РФ и РТ и вышедшую на уровень Президента РФ дискуссию о преподавании на татарском языке [2].

На фоне вышеописанных событий сельские районы Татарстана, посещенные нами во время летней экспедиции, в целом производят впечатление островков если и не абсолютного экономического благополучия, то, как минимум, стабильности. Эмоциональность полевых наблюдений и естественное желание респондентов, среди которых были главы сельских поселений, фермеры и владельцы ЛПХ, руководители небольших промышленных предприятий, работники районных администраций, а также образовательных, культурных и религиозных учреждений, показать «товар лицом» не располагают к глубоким обобщениям, но не исключают возможность анализа «по горячим следам». Несмотря на заметные невооруженным глазом различия между отдельными районами, мозаика путевых заметок складывается в общую картину, характеризующую в первом приближении сложившуюся в республике модель управления сельскими территориями, суть которой отражена в названии настоящей статьи.

В первую очередь нас интересовало то, в какой мере действующие институты сельского самоуправления способны обеспечить

развитие сельских территорий в условиях общей для России тенденции к сокращению полномочий и финансовых возможностей местных органов власти [3, 4]. Способны ли компенсаторные механизмы, работающие на разных уровнях управления, решать актуальные задачи экономического и социального развития села? В какой мере особенности этнического состава и местные традиции влияют на сложившиеся хозяйственные и социально-культурные практики?

В ходе экспедиции нами были обследованы 10 сельских поселений в пяти муниципальных районах Татарстана, сравнительные характеристики которых приведены в таблице.

Экономические показатели в обследованных районах Республики Татарстан (январь-июнь 2017 г.)

Муниципальный район	Отношение зарплаты к минимальному прожиточному бюджету	Добавленная стоимость на душу населения, тыс. руб.*	Налоговые и неналоговые доходы на душу населения, тыс. руб.	Валовая продукция сельского хозяйства на одного работающего в сельском хозяйстве, тыс. руб.
Средняя по Республике Татарстан	2,15	68,22	5,25	628,39
Алексеевский	1,77	10,58	4,83	516,12
Атнинский	1,97	25,32	4,39	696,83
Дрожжановский	2,03	11,12	3,74	326,58
Елабужский	2,51	98,30	5,09	759,97
Мамадышский	2,01	18,21	3,94	902,56

*) Данные за январь-март 2017 г.

Источник: [5].

Рассматриваемые районы, за исключением «промышленного» Елабужского, имеют основные экономические показатели на душу населения ниже средних по РТ. В то же время производство продукции сельского хозяйства на одного работающего в отрасли в трех районах превышает средний уровень, а в двух – уступает ему. Каждый из районов специфичен и имеет свою не только хозяйственную, но и национально-культурную «изюминку». Для Алексеевского и Елабужского районов характерно преобладание русского населения. Эти районы в большей степени индустриализированы. В Атнинском и Мамадышском районах, напротив, доминируют татарские поселения, а основная

часть трудоспособного населения занята в сельском хозяйстве. В Мамадышском районе (крупнейшем в РТ по занимаемой территории) сельскохозяйственные земли соседствуют с разрабатываемыми месторождениями нефти. Дрожжановский район является обладателем уникальных черноземов и уже осваиваемых месторождений цеолитового сырья. Среди жителей района преобладают представители татарского и чувашского этносов.

Таким образом, районы, попавшие в фокус нашего исследования, заметно различаются между собой по хозяйственной специализации, степени развитости сельскохозяйственного производства и этническому составу, но в целом это достаточно представительная для полевого исследования выборка, по которой в известной степени можно судить о положении дел в сельском Татарстане.

Аграрный контекст

По предварительным итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., в Республике Татарстан насчитывалось 485 крупных и средних сельскохозяйственных предприятий, при этом на одну организацию в среднем приходилось 6586 га земли. Число фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, занимающихся сельским хозяйством, почти в семь раз больше – 3326, однако средний размер обрабатываемой земли в этом секторе невелик – 182 га. Самую многочисленную категорию земледельцев в сельских поселениях образуют хозяйства населения, их число в республике составило 405983, в среднем на хозяйство приходилось 30 соток [6].

Согласно данным Росстата, по объему произведенной сельскохозяйственной продукции в 2015 г. Татарстан занимал 4-е место среди российских регионов с показателем в 217 млрд руб. (в текущих ценах) [7. С. 691–698]. Тем не менее именно в животноводстве республика занимает лидирующие позиции по поголовью крупного рогатого скота, производству молока и меда. В 2016 г. рост производства составил 5%, в растениеводстве – 8,3%, а в животноводстве – 1,6% [8. С. 41–61]. По итогам 2016 г. Татарстан возглавил рейтинг крупнейших отечественных производителей молока.

В 2016 г. в республике собрали 4,1 млн т зерна, что превысило показатели 2015 г. почти на 22%. В производстве зерна

доминируют сельскохозяйственные организации (на их долю в 2015 г. приходилось 81,8%). Однако фермерские хозяйства постепенно увеличивают свое присутствие на этом рынке: за десять последних лет их доля выросла с 13,5 до 18,2%. В животноводстве две основные категории производителей – это сельхозорганизации и ЛПХ. Если в 2005 г. первые из них производили скота и птицы на убой (в убойном весе) чуть больше половины (52,3%), то в 2015 г. их доля возросла до 72,7%. За этот период доля хозяйств населения сократилась с 45 до 24,2%. Иная тенденция наблюдается в производстве молока. С 2005 г. по 2015 г. удельный вес сельхозорганизаций увеличился всего на 2 п.п. (с 56,8 до 58,8%). Хозяйства населения продолжают играть весомую роль в производстве молока, несмотря на сложившуюся тенденцию к снижению их доли (с 38,1 в 2005 г. до 33,2% в 2015 г. и 31,8% в 2016 г.) [7. С. 737–740; 759–785] [8. С. 62–63].

Успехи отечественного сельского хозяйства последних лет связаны преимущественно с развитием крупных агрохолдингов, которые во многих сельских районах становятся крупнейшими земледельцами, производителями и переработчиками сельхозпродукции [9, 10]. Татарстан – один из немногих регионов с развитым сельским хозяйством, в котором агрохолдинги так и не стали доминирующей силой [11].

Этому есть объяснение. С одной стороны, в республику не допускались агрохолдинги федерального уровня, имеющие производственные активы в разных регионах страны. С другой – попытка при административной поддержке сформировать собственные холдинги с татарстанскими корнями (ВАМИН и др.) по большому счету провалилась. Административная поддержка и получение множества преференций сыграли с этими структурами злую шутку – они росли не органическим, а искусственным путем за счет присоединения разнородных и зачастую плохо сочетающихся активов. На смену одним «республиканским» холдингам приходили другие, но общая модель их взаимоотношений с региональными властями и с местным сообществом принципиально не менялась. Даже небольшое ослабление административной поддержки приводило к возникновению серьезных проблем.

Попытки оптимизации издержек не находили поддержки у местного сообщества, негативно реагирующего на закрытие отдельных подразделений, невысокие зарплаты и сокращение работников. В одном из обследованных районов надежды местных жителей на появление высокооплачиваемых рабочих мест после прихода агрохолдинга не оправдались. Холдинг построил современный животноводческий комплекс, но забросил старые помещения и сократил площадь обрабатываемых земель. В то же время местным фермерам было отказано в аренде неиспользуемых складов, гаражей и пр.: *«У них есть мегаферма – они там коров содержат. Не все поля, которые были раньше в совхозе, ими обрабатываются. Старые коровники у них стоят пустые, развалились. Было три корпуса дойного гурта, разобрали, развезли. Два каменных склада стоят до сих пор, но с них уже частично сдуло шифер, двери открыты. Все брошено. Сколько люди просят – дайте это ненужное нам! Но не дают!»* (из интервью с главой поселения). Владельцы холдинга не спешат регистрировать права собственности на доставшиеся им «по наследству» производственные объекты, из-за чего местные бюджеты недосчитываются имущественных налогов.

По словам местного фермера и работников сельской администрации, в холдинге действует практика «резервирования» части начисленной зарплаты «на зимний период», «на проведение Сабантуя» (праздник окончания весенних полевых работ), на другие нужды (разумеется, не отражаемая в официальной статистике). При увольнении деньги из «накопительной ведомости», как правило, не выплачиваются. Работники холдинга недовольны, но отмечают отсутствие приемлемых альтернатив трудоустройства: *«В холдинге работает 47 человек из всего поселения. По отчету средняя зарплата получается 12–13 тыс. руб. Те жители, которые там работают, так и говорят: “Не очень-то хорошо там платят. Ушли бы оттуда – да идти некуда, ведь здесь живешь и скотину держишь”*». С жителями, которые сдали в холдинг свои земельные паи в обмен на акции, холдинг обещал рассчитываться зерном и сеном. Сначала эти выплаты устраивали население, потом они стали сокращаться: *«Первые года нам давали сено и зерно в очень больших количествах. Мы были все довольны, что отдали им землю. Потом с каждым годом все хуже и хуже становилось. Сейчас только оставили зерно – дают по три центнера на пай (7,7 га)»*.

Реликты или реинкарнация?

При очевидных неудачах холдингов во многих районах сохранились, а в отдельных случаях и успешно функционируют крупные сельскохозяйственные предприятия, ведущие свою историю из колхозно-совхозного прошлого. Нам удалось посетить своего рода «колхозный заповедник», возникший благодаря тому, что глава администрации района всячески препятствовал распродаже колхозного имущества и сокращению поголовья скота, не пустил в район республиканский агрохолдинг и, используя свой административный ресурс, лоббировал разнообразные инвестиционные проекты.

Бывший колхоз, юридически превратившийся в обычное частное предприятие, не только сохранил производственный потенциал, но и увеличил площадь обрабатываемых земель, создал высокотехнологичное молочное производство, выплачивает работникам достойную по сельским меркам зарплату, принимает масштабное участие в социальной жизни села: *«Сначала был колхоз, потом СПК, сейчас ООО под тем же названием работает. Кто не хочет работать в колхозе, в школе работаю, ездит на работу в Казань... Фермерских хозяйств в поселении нет. Колхоз занимается животноводством, растениеводством. В настоящее время поголовье составляет 3,5 тыс. голов скота, дойных коров – 1,5 тыс. Средняя зарплата – 26 тыс. руб. Площадь обрабатываемой земли – 7400 га. Работает 156 человек. Сейчас все автоматизировано, 2 доильных зала, в которых всего 10 доярок обслуживают 1,5 тыс. дойных коров, работают в две смены. Молока очень много, средний надой на корову – 32 л в день. Развиваемся, строим телятники. Хозяйство существует только на свои деньги. Кредитов нет ни копейки»* (из интервью с главой поселения).

Выживание и последующие достижения бывшего колхоза были бы невозможны без республиканской поддержки. За счет средств регионального бюджета были построены две крупные фермы. Первая еще в 2008 г. – по республиканской программе субсидирования «60 на 40». Вторая была «личным подарком» Президента Республики Татарстан. Современные технологии обеспечивают не только большие надои, но и высокое качество продукта. Не случайно хозяйство поставляет молоко на переработку не только в Казань, но и за 800 км – в Башкирию для

производства сыра. Переработчики из соседней республики готовы платить существенные надбавки за стабильные объемы и высокое качество молока (жирность и т.д.).

Поддержка сверху не является «дармовой». Взамен бывший колхоз принимает на себя дополнительные обязательства по содержанию и развитию объектов социально-культурной инфраструктуры, строительству ведомственного жилья, а при необходимости становится и «санатором» менее успешных хозяйств: *«Мы продавали каждый год по 50 голов молодняка. Нынче нам еще одно хозяйство дали в соседнем районе, там земли 7000 га, а своей скотины вообще не было. Сейчас мы скотину туда будем возить. Пока там поголовье не сформируем, продавать молодняк не будем. Специалисты наши будут там работников обучать. Хозяйство запущенное, но за год планируем восстановить. У нас уже почти 90 млн руб. ушло туда. Это не было только нашим решением зайти в этот район. Для нашего поголовья у нас земли не хватает. Поэтому поехали туда, это не близко, 50 км отсюда».*

На наш взгляд, бывшие коллективные предприятия, как в рассмотренном случае, уже нельзя считать реликтами ушедшей эпохи социализма. Они представляют своеобразный способ ведения социально ответственного бизнеса, который опирается на поддержку местных администраций и, благодаря обширным горизонтальным связям руководителей и рядовых работников, глубоко укоренен в местных сообществах.

Фермерская (семейная) альтернатива

Если руководство сохранившихся успешных сельхозпредприятий, как правило, не терпит рядом с собой конкурентов, то на земли поселений, в которых бывшие колхозы и совхозы не смогли удержаться на плаву, пришли фермеры: *«Раньше у нас был колхоз. Сейчас на его базе работают непосредственно четыре фермера. Радует то, что у нас все земли обрабатываются, пустующих земель нет»* (из интервью с главой поселения).

В республике действуют программы поддержки начинающих и уже состоявшихся фермеров, с помощью которых последние получают из бюджета субсидии и гранты для покупки техники, капитального строительства и др. Для усиления социального эффекта подобных инвестиций фермерам вменяются обязательства

по трудоустройству постоянных работников. Расчет делается также на то, что за определенный срок фермер вернет выделенный ему на развитие капитал в виде дополнительных налогов, поступающих в местный бюджет. Такой подход способствует продолжению фермерских династий, когда хозяйство переходит в руки наследников: *«Внук закончил техникум, потом институт. Оформился фермером. Ему дали деньги на приобретение техники – 1,5 млн руб. Он трактор, сеялку взял. Ему обязательно в течение пяти лет нужно иметь постоянных трех работников»* (из интервью с фермером). В других случаях такая инвестиционная подпитка укрепляет производственные позиции тех, кто уже «крепко стоит на ногах»: *«Один наш фермер воспользовался уже тремя грантами: это были суммы и в 1,5, и в 1,8 млн руб.»* (из интервью с главой поселения).

Более ярко сельский образ жизни и татарстанскую идентичность представляют хозяйства сельских жителей, чей вклад в аграрное производство, как и в большинстве российских регионов, медленно снижается, но все же остается довольно существенным. В республике немало семейных подворий, которые находятся под патронатом властной вертикали. В каждом из обследованных поселений нам приводили в пример по несколько семей – владельцев мини-ферм, где содержалось до десяти, а то и больше дойных коров, быков, телят.

Сеть частных заготовителей, по нашим наблюдениям, обеспечивает стабильный сбыт молока и мяса, производимых в семейных хозяйствах. Кроме того владельцы ЛПХ могут рассчитывать на возмещение части затрат на строительство ферм молочного направления (до 200 тыс. руб. в зависимости от количества голов), содержание дойных коров и коз, приобретение товарного и племенного поголовья нетелей, первотелок и молодняка птицы, проведение ветеринарных профилактических мероприятий. Все эти программы имеют софинансирование из федерального и республиканского бюджетов, а в качестве гаранта целевого использования выделяемых средств выступают главы сельских администраций. Они информируют население о «правилах игры», отбирают претендентов, собирают требуемые документы и берут на себя функции поручителей: *«Я свое население хорошо знаю. Могу сказать, кто сможет построить ферму, а кто нет. Некоторые семьи на 200 тысяч*

позарятся, думают, что сарай построят, а коров держать не будут. Но там есть обратная связь. Эта ферма должна в течение года или полутора лет наполняться скотом, согласно контрольным цифрам. Мы в этом году выбрали только две семьи, которые смогут это сделать. Они получили по 200 тыс. руб.» (из интервью с главой поселения). Как правило, владельцы подобных хозяйств имеют собственную технику, землю, сами занимаются заготовкой кормов – или же имеют возможность получать их на льготных условиях. С одной стороны, мини-фермы с дойным стадом от 3 до 5 коров при правильной организации могут приносить владельцам от 30 до 50 тыс. руб. в месяц. С другой стороны, такая хозяйственная практика требует от членов семьи каждодневного интенсивного труда без отпуска и выходных и, по нашим наблюдениям, присуща в основном крепким многопоколенным семьям, имеющим к тому же дополнительную инвестиционную мотивацию – построить или же модернизировать свой дом и хозяйственные постройки, выучить детей, приобрести им жилье, причем, как правило, не в селе, а в городе, в том числе в Казани.

Процессы урбанизации затронули Татарстан не в меньшей степени, чем другие регионы: сельская молодежь переезжает жить и работать в города, вербуются на сезонные и вахтовые работы за пределами родного села. Постоянное население естественным образом стареет, истончается слой людей, занятых традиционным крестьянским трудом. По нашим подсчетам, в обследованных селах в среднем на пять дворов приходилась одна корова. Из-за резкого сокращения поголовья «частного» стада обострились проблемы с наймом пастухов. С одной стороны, сработал эффект масштаба – постоянный пастух обходится каждой семье все дороже, с другой – полная материальная ответственность пастуха крайне затрудняет подбор достойных кандидатов. Владельцы скота были вынуждены поочередно выполнять обязанности пастухов, но, по мере учащения графика выходов, стали все больше задумываться о «безлюдных технологиях». Новацию в виде «электрического пастуха» (мобильная металлическая изгородь, находящаяся под слабым электрическим напряжением) мы наблюдали не в одном селе: «У нас электропастух. Мы сами пришли к этому, потому что если у тебя 30 коров в стаде, надо каждый месяц платить по 1 тыс. за корову. Мы скинулись

по 2 тыс. и организовали такой вид пастьбы» (из интервью с главой поселения).

Во многих поселениях местные власти, пытаясь препятствовать свертыванию производства в хозяйствах населения, организовывали процесс заготовки сена. Сельские главы собирали у населения заявки на необходимый объем кормов, искали приемлемые по цене варианты их покупки и доставки, договариваясь для этого с фермерами и другими владельцами сельхозтехники. Из интервью с главой поселения: «Я вчера со своими коллегами выезжал на луга. Мы косим сено для населения, тюкуем и довозим до их дворов. Своей техники у меня, как у главы, нет. Просто мною организована работа, чтобы населению сено подвезти, но это не бесплатно. Тут бюджет не задействован». К такому внимательному отношению к нуждам ЛПХ местные власти подтолкнули события засушливого 2010 г., когда в ряде районов из-за выгорания пастбищ и сенокосов районным и сельским властям пришлось экстренно организовывать машинно-тракторные бригады, выезжавшие для заготовки сена в соседнюю Кировскую область. Это позволило спасти частный скот от зимней бескормицы. Впоследствии эта практика стала регулярной. Это важный, но далеко не единственный пример практик самоорганизации сельской жизни при непосредственном участии глав поселений.

От самоуправления к самоорганизации

Благодаря почти полной газификации населенных пунктов, системам централизованного водоснабжения, созданию сети современных фельдшерско-акушерских (ФАП) и ветеринарных пунктов, развитию социальной инфраструктуры села комфортность проживания в сельской местности РТ стала все больше приближаться к городскому уровню. У этого процесса есть и обратная сторона – растут затраты на содержание территории в рамках ответственности местных администраций. Между тем бюджеты сельских районов, а особенно сельских поселений – и это общая для регионов России тенденция – сокращаются. Это результат перманентного, но не всегда последовательного реформирования системы местного самоуправления с перераспределением полномочий и налоговых поступлений между разными уровнями власти [12, 13].

Бюджеты сельских поселений РТ невелики и на 90% дотируемы. На нужды территории предусмотрено крайне мало средств. Из статьи «благоустройство» денег едва хватает на регулярную расчистку улиц и утилизацию мусора: *«Свалки окучиваем, окультуриваем. Чистку дорог проводим. Но очень у нас бюджеты маленькие. Сюда включаются все дотации – и республиканские, и районные. В 2016 г. бюджет поселения был 2240 тыс. руб. В 2017 г. стал около 1700 тыс. руб. в год. И это в расчете на 700 жителей».*

Локальные практики горизонтальной самоорганизации позволяют отчасти компенсировать остроту проблемы сельских бюджетов. Общение с нашими респондентами показало, что инициатива в запуске институтов самоорганизации, как правило, принадлежит местной власти и прежде всего – главам поселений.

В качестве примера самоорганизации можно назвать получивший в последние годы распространение институт самообложения, который предусматривает проведение референдума жителей сельского поселения и их участие в выборе проектов благоустройства для самостоятельного финансирования и согласования норматива годовых взносов с каждого взрослого жителя села (как правило, от 300 до 500 руб.). Особенностью Татарстана является наличие республиканского софинансирования в размере четырех рублей на каждый собранный населением рубль. Эта программа действует уже в течение трех лет и вызывает одобрение у одних и неприятие – у других.

В селах, где нам удалось побывать, за счет самообложения, как правило, ведется обустройство твердого покрытия дорог внутри населенных пунктов (на местном сленге – «ощебенение»), строятся пешеходные переходы, монтируются системы наружного освещения с энергосберегающими лампами, оборудуются современные детские площадки, осуществляется благоустройство родников и кладбищ.

По мнению наших респондентов, самообложение подключило сельских жителей к процессу повсеместного благоустройства территорий сел и способствовало формированию практик совместного решения насущных местных вопросов. На сходах селянам приходится инициировать проекты и расставлять приоритеты при ограниченном финансировании, помогать главе поселения с выбором оборудования и подрядчиков, контролировать весь

цикл выполнения проекта – от подготовки до завершения. Главам поселений приходится убеждать жителей в необходимости вложиться в общее дело, растолковать, что без их участия вряд ли возможен «порядок в доме».

Из интервью с главой поселения: *«Если исходить из интересов жизни села и народа, то, естественно, это очень необходимая вещь. Но все бы понимали и все бы думали одинаково! Когда мы проводим референдум, в бюллетенях указываем все нужды. На один рубль, собранный с каждого совершеннолетнего, Президент Татарстана нам добавляет бюджетные средства – 4 руб. Допустим, каждый сдает по 500 руб. и нам еще по 2000 руб. добавляется. Но сейчас с этим бывают трудности. Многодетным семьям сложно участвовать в самообложении. Кто-то прописан у нас, а живет где-то далеко, поэтому не хотят вносить взносы. Некоторые возражают против самообложения, приводя такой аргумент: “Если у государства деньги есть, пусть делает программы – и не собирает с нас дополнительных денег”. На референдум приходят почти все».* Из интервью с главой другого поселения: *«Есть у нас программа “Самообложение”, очень хорошая. Нынче мы решили на уличное освещение все эти средства потратить, чтобы в нашей деревне было, как у вас в городе, светло».*

В селах, где царит дух «колхозного патернализма», совместное участие населения, бюджета республики и местного сельхозпредприятия позволяет решать более масштабные задачи: *«В 2015 г. за счет средств самообложения щебеночную дорогу в 2,5 км между деревнями проложили. Там была плохая дорога, а сейчас уже нормальная. Каждый год собираем по 500 руб. с каждого человека, достигшего 18 лет. Пока, слава богу, все жители сдают, они не сомневаются в этой программе. За счет средств самообложения обновили кладбища в четырех селах, две улицы по 800 м сначала пятнадцатисантиметровым слоем грубого щебня проложили, а потом уже мелким, получилось как асфальт. В этом году планируем освещение на трех улицах сделать. На следующий год, если самообложение не отменят, будем строить детские площадки в каждой деревне. И спортзал хотим. Будем это делать на деньги самообложения – и колхоз поможет».*

В большинстве обследованных сел главы сельских поселений тесно сотрудничают с руководителями предприятий, работающих на их территории, фермерами и даже дачниками, не равнодушными к происходящему в сельской глубинке. Можно сказать, что сегодня профессиональная компетентность глав сельских и районных администраций выражается не только и не столько в качестве выполнения ими формальных служебных обязанностей, а в умении выстраивать партнерские и дружеские отношения с теми, кто может помочь селу в разных хозяйственных делах, взять на себя шефство над теми или иными сферами жизни, проявить личную инициативу и самостоятельно выполнить часть работ.

Говорит глава поселения, на территории которого добывается нефть: *«В основном нефтяники по праздникам оказывают спонсорскую помощь: Новый год провести, Сабантуй. В благоустройстве я бы не сказал, что они сильно участвуют. Но если нужно где-то мусор закопать, то приходится просить их технику. Они не отказывают, дают бесплатно, так как у меня нет ни технических, ни финансовых возможностей. У меня в поселении были проблемы с водой. Они пробурили мне новую стометровую скважину. Это стоило бы миллион рублей, т.е. половину годового бюджета поселения, а они сделали бесплатно. Два дня пять единиц техники работало. Они просто поняли, что население страдает»*. Само собой разумеющимся выглядит участие бывшего колхоза, о котором речь шла выше, во всех крупных культурно-спортивных и других событиях в «подшефных» селах: *«Колхоз организует Сабантуй, помогает молодежной команде по волейболу, она у нас чемпион района, участвовать в республиканских соревнованиях, оказывает материальную помощь сельским жителям, во всем помогает. Проводит День пожилых людей, День матери. Мы собираемся в школе, артистов вызываем – и подарки каждому раздаем по праздникам»*.

В одном случае бюджет сельского поселения лишился части средств из-за передачи полномочий по утилизации мусора в район. В результате у главы не стало денег, чтобы постоянно нанимать тракториста для чистки дорог и оплаты солярки. В итоге он был вынужден садиться за свой трактор, чтобы не допустить дорожного коллапса, своими силами восстановил списанную пожарную машину.

Практики самоорганизации по-разному работают в селах с разным этническим составом. Общим для всех поселений является активное соучастие властей и жителей села в строительстве и восстановлении мечетей и церквей, которые становятся своеобразными центрами возрождения утерянных практик общения и законным предметом гордости для глав поселений, которые охотно демонстрируют их приезжим. В русских селах главам поселений сложнее убеждать людей в необходимости своевременной уплаты взносов по программе самообложения, привлекать их к участию в совместных мероприятиях. Иная ситуация в татарских селах, где менталитет жителей в большей степени настроен на сохранение национально-культурных традиций и выполнение указаний и просьб представителей власти и религиозных авторитетов. Важными чертами татарской идентичности являются бережное отношение к истории своих семей и населенных пунктов, а также культивируемые традиции меценатства. В роли спонсоров выступают выходцы из сел, достигшие определенных успехов в бизнесе, получившие значимые должности, имеющие выдающиеся профессиональные достижения.

Нам часто приводили примеры подарков от именитых земляков, подчеркивали, что то или иное новое производство в селе организовали его бывшие жители, ставшие успешными бизнесменами. О создателе растущего в рамках района агрохолдинга, который не просто помогает родному селу, но и, по сути, перестраивает и контролирует, превращая его то ли в филиал, то ли в парадную вывеску своего социально ответственного бизнеса, говорит глава соседнего поселения: *«Он меценат хороший. В родном селе построил за свои деньги большой спортивный комплекс, где теперь проводятся соревнования по вольной борьбе республиканского и всероссийского масштаба. Клуб отремонтировал за 15 млн руб., помогал в создании аллеи Славы и в других мероприятиях. Он человек бизнеса, у него все четко – это поселение держит под жестким контролем»*. Этот своеобразный «культ добра» можно трактовать и как своего рода способ «возвращения долгов» видных членов сельского сообщества «малой родине», как важное проявление национальной и локальной идентичности.

Как следует из рассказа главы одного из русских поселений, практика участия в решении проблем территории, транслируется

и на приезжих. Наш рассказчик в своей работе опирается не только на помощь районного депутата, выходца из села и по совместительству руководителя промышленного предприятия, но и на «чужака»-бизнесмена из соседнего района, построившего себе загородный дом на берегу Камы и живо реагирующего на запросы местного сообщества: ...*«Второй человек вообще никакого отношения к нам не имеет. Он просто купил у меня участок в селе и построил там дом. Я пять лет здесь работаю – и пять лет он мне помогает. Костюмы ансамблю из Дома культуры сшил, с аппаратурой помогает. И школе помогает – окна вставил и двери. Я с ним познакомилась в первые дни работы на этом посту. Ко мне приехали представители Прокуратуры и выставили штраф за то, что на берегу Камы разрослась огромная несанкционированная свалка. Я про нее в тот момент даже не догадывалась. Мне дали номер телефона этого человека, его уже в сельсовете и в школе знали. Я позвонила ему и представилась... Он приехал в сельсовет, познакомился и сказал: “Обращайтесь, если будут какие-то проблемы-трудности”. И с тех пор мы так сотрудничаем».*

Важным интегрирующим фактором для сельского Татарстана в последние годы служат культурно-спортивные, образовательные и религиозные мероприятия, которые привлекают участников не только со всего Татарстана, но и из других российских регионов. Все это также способствует сельскому развитию. Например, в Алексеевском районе в 2017 г. в шестой раз прошел Международный молодежный образовательный форум «Сэлэт», там же работал спортивный палаточный лагерь «Олимп», собравший для отдыха и тренировок представителей разных видов спорта (от волейбола до хоккея). На Билярском Святом ключе состоялся пятый межнациональный фестиваль «Родниковый рай». Несмотря на то, что в Алексеевском районе проживает 25 разных народностей, каждая диаспора могла участвовать в расширенном заседании совета «Землячество».

* * *

Подводя итоги нашей экспедиции по сельским районам Татарстана, можно отметить ряд ключевых моментов, отражающих особенности встроенных в систему местного самоуправления механизмов функционирования и развития сельских территорий,

сложившихся хозяйственных и культурно-религиозных практик самоорганизации.

Прежде всего, – высокую интегрированность сельского самоуправления в жестко субординированную вертикаль власти, которая проявляется, с одной стороны, в системе разнообразных республиканских программ, направленных как на поддержку разных категорий хозяйств, так и на развитие территории, а с другой стороны, в наличии эффективных механизмов контроля, действующих не только в рамках местной бюрократической иерархии, но и по горизонтали – внутри сельских поселений.

В условиях усугубляющейся бедности местных бюджетов включаются компенсаторные механизмы в виде практик самоорганизации, базирующихся как на формальных (например, самообложение), так и неформальных институтах (практика земляческого спонсорства), которые зачастую иницируются местными властями.

Отметим также крайне важную роль глав поселений, выходящую далеко за пределы стандартных должностных обязанностей. Не имея достаточных финансовых и человеческих ресурсов для реализации своих полномочий, они вынуждены совмещать функции предпринимателей, привлекающих инвесторов в местные проекты, политических посредников, лоббирующих интересы своего сообщества в административной вертикали, организаторов традиционных сельских праздников, медиаторов межличностных отношений жителей села, в том числе в конфликтных ситуациях.

Заметно возрастающее влияние религиозных (мусульманской и православной) традиций на жизнь села, их связь с формированием татарской и татарстанской идентичности, в том числе через восстановление и строительство мечетей и храмов, благоустройство родников и кладбищ, сохранение и развитие объектов национальной культуры.

Отдельные самобытные практики, идентифицированные нами, могут быть применены и в других местах, однако в целом сложившаяся в РТ модель сельского самоуправления и самоорганизации вряд ли пригодна для широкого распространения. Она служит примером конструкции, которая жизнеспособна только в особом экономическом и социальном контексте. Причем следует учитывать, что за этой моделью скрывается разнообразие

практик и политик сельского развития в каждом конкретном районе и даже в отдельном сельском поселении.

Надеемся, что у федеральной власти хватит мудрости, чтобы не «причесывать» Татарстан общей гребенкой регионального усреднения в рамках унитарной конструкции «сильный центр – слабые регионы», имеющей мало общего с декларируемым принципом федерализма. Не нами доказано, что многообразие является важным фактором и одним из ключевых ресурсов развития. Результаты нашей экспедиции лишь еще раз подтверждают эту далеко не очевидную истину.

Литература

1. *Веселова Э. Ш.* Что делает Татарстан успешным регионом // ЭКО. – 2015. – № 1. – С. 5–25.
2. *Антонов К., Перцев А., Самохина С.* Рустам Минниханов отказался от договора с Россией // Коммерсантъ. – 2017. – 22 сент.
3. *Сумская Т. В.* Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики / ред. С. А. Суспицын. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 212 с.
4. *Горяченко Е. Е., Малов К. В.* Реформирование системы местного самоуправления: оценки и проблемы // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 1. – С. 271–291.
5. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/rejting-munitsipalnih-obrazovaniy-v-2017-godu.htm>
6. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Предварительные итоги: Статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – М: ИИЦ «Статистика России», 2016. – 70 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
8. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2017. – 68 с.
9. *Узун В. Я., Шагайда Н. И.* Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. – М.: Изд. дом «Дело», 2015. – С. 174–182.
10. *Барсукова С. Ю.* Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. – 2016. – № 5. – С. 63–74.
11. *Нефедова Т. Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 180–187.
12. *Фадеева О. П.* Реалии сельского самоуправления: реформы и их последствия // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 4. – С. 267–289.
13. *Дементьев Д. В.* Проблемы обеспечения самостоятельности бюджетов сельских поселений // ЭКО. – 2017. – № 9. – С. 157–163.